

Автор: Дмитриева Л.А., по мотивам Ф.де Носэ «Цецилия»

"И свет во тьме светит, и тьма не объяла его." (Ин.1:5)

Место действия: Рим – конец вторая половина I века от Р.Х. (64 г.)

Действующие лица:

1. Апостол Петр – седовласый старец с бородой, в иудейской одежде
2. Апостол Павел, человек старше 60 лет с бородой, в иудейской одежде
3. Цецилия, гречанка – молодая девушка из богатой семьи
4. Луций, ее брат ровесник, хорошо воспитан, грамотный, любит сестру
5. Клавдия, их мать – верная христианка
6. Марк Порций Корнелий, Богатый римлянин, в преклонных летах, философ по природе, уставший от жизни и тщетных поисков истины
7. Августа, его жена, любит мужа, но привыкла к нему и устала от его философствований, не ценит его, как не ценят что-то привычное.
8. Валерия, их дочь, любимица отца, избалованна, но любит отца и способна на добрые поступки
9. Андроник, слепая девушка, искренняя христианка
10. Юния, кормилица Цецилии и Луция, простоватая, но искренняя женщина
11. Арнобий, ее муж, благоразумный и серьезный человек лет 50
12. Ливия, рабыня в доме Корнелия – мужественная христианка
13. Торговец, заимодавец, торговец рабами, эмоциональный южанин, при этом грубый, наглый и шумный человек
14. Управляющий, вольноотпущенник, человек средних лет, здравомыслящий, спокойный.
15. Римский воин 1

16. Римский воин 2
рабы

(свет прожекторов направлен на закрытый занавес, играет музыка, звучат стихи)

Ученики, ученики
Идут бесчетной вереницей
Через века, через границы,
Через костры и тупики.
От опустевшей Плащаницы,
От распечатанной Гробницы,
Храня нетленные страницы,
Идут напастям вопреки.

(под музыку занавес медленно открывается, лучи света выхватывают фрагменты декорации – здания, площадь, потом освещается группа рабов)

СЦЕНА 1 Ночь перед продажей

(На сцене площадь Рима. На переднем плане небольшая кучка рабов спящих прямо на земле. Цецилия неподвижно лежит, "скукожившись", головой к центру сцены, уткнувшись лицом в согнутый локоть, непонятно, то ли она плачет, то ли спит. Луций сидит неподвижно, подперев голову рукой, погруженный в невеселые мысли.)

Луций Ты не спишь, Цецилия?

Цецилия Нет. (садится, безучастно глядя в зал)

Луций И мне не спится. Я все думаю: что нам делать? Мне кажется у нас только один выход. Если нас продадут, то я буду очень много работать, чтобы накопить денег и выкупить тебя из рабства. Сначала тебя, а потом меня. Римские законы позволяют это.

Цецилия (безнадежно качает головой) Ах, Луций!.. (молчит) Быть может, нас купят

вместе... Боги не допустят, чтобы нас разлучили!

Луций Боги жестоки. Я давно это понял. Они гnevаются на нас. Или им нет до нас дела. Смотри, наш отец считался одним из самых богатых людей в Афинах! Разве он скупился на дары, разве он не приносил жертвы в храмах? И вот он умер. И что теперь?

Цецилия Теперь! Теперь мы нищие!.. А завтра нас продадут, и мы станем рабами...

Луций Как внезапно все переменялось... Словно тьма опустилась над нами и нет никакого просвета!

Цецилия (молчит) Послушай, Луций, а ты знаешь, что наша матушка жива?

Луций Наша мать жива?!... (пытается вскочить)

Цецилия Тише. Когда кормилица уезжала от нас, она привела меня в свою комнату и рассказала, что матушка не умерла, что она очень любит нас.

Луций Почему же ты молчала?

Цецилия Кормилица не велела тебе говорить. Она боялась, что ты станешь разыскивать ее, а отец рассердится и лишит тебя наследства. Она не знала, что у отца долги.

Луций (задумчиво) Я едва помню матушку, мы ведь были совсем маленькие тогда... И где же она теперь?

Цецилия Я не знаю. А ты помнишь, как она вдруг исчезла?

Луций Я помню, что искал ее. Я ходил по дому, искал в портике за колоннами выбегал в сад, заглядывал всем в лица и спрашивал: "Где мама?". Но никто не отвечал мне. Слуги отводили глаза и молчали.

Цецилия Так вот, она жива. Отец выгнал ее из дома. За то, что она обратилась к Какому-то неведомому Богу. И вот здесь у меня то, что она просила отдать нам. (достает свитки)

Луций Что это? Какие-то письма. (пытается прочесть) Эх, не видно ничего! Темно!

Цецилия Спрячь. Может быть, эти свитки помогут нам найти ее. Жаль, что я не умею читать, а ты не видишь сейчас. Вдруг мы завтра расстанемся, и не успеем ни о чем договориться...

Луций А какому Богу поклоняется наша матушка?

Цецилия Не знаю ... только это не римский и не греческий Бог. Юния говорила, что

отец очень гневался. Но матушка была тверда, и не переменяла своей веры. И тогда отец выгнал ее, запретив видаться с нами, чтобы мы не заразились ее верой... Если бы можно было найти ее!..

Луций Если бы! Во-первых, мы не знаем, где ее искать, и потом, как мы узнаем друг друга? Мы же изменились за это время, и она изменилась... я почти не помню ее лица... Я помню, только, что она была очень милая. Один раз к нам приехало много гостей, и были какие-то дети – мои сверстники. И вот они стали спорить между собою, чья матушка красивее. Нам было года по четыре. Каждый рассуждал, что вот его матушка самая красивая. А я не спорил ни с кем. Я молчал. Мне было их жаль. Я видел их матерей, и думал: ну о чем они спорят? Разве могут их матери сравниться с моей? Ведь моя матушка самая красивая! Никого в жизни не любил я так сильно, как ее.

Цецилия А я помню что была маленькая и заболела однажды, а она ухаживала за мной. Мне было совестно, что она так переживает за меня, сама меняет мне простынки, сидит со мною без отдыха днем и ночью, даже кормилицу не подпускает - не доверяет меня никому. Столько раз я вспоминала это потом и плакала.

Луций Да, она очень любила нас. Должно было случиться что-то действительно очень серьезное, чтобы она нас оставила. Как это все странно!

Цецилия Что толку рассуждать теперь. Давай лучше уснем, а то скоро рассвет, начнется торговля... Неужели мы все же расстанемся, Луций?

Луций Не думай об этом... Скоро и, правда, рассвет, придут торговцы. Давай поспим. (склоняются)

СЦЕНА 2 Продажа Цецилии

(Там же, раннее утро на невольничьем рынке, рабы стоят в круг, спинами внутрь, скованные друг с другом цепями, торговец расставляет их, поправляет. Луций и Цецилия стоят рядом понурившись)

Торговец (переставляет подростка на другое место, подальше от матери, та цепляется за сына) Отойди от своего щенка, уродина, а то его никто не купит. Если я не продам вас сегодня, то вместо ужина получите хорошую порку. (женщина всхлипывает) За тебя саму никто двух динариев не даст. Мне дороже тебя кормить, образина. (подходит к Цецилии) А ты встань сюда, красотка. (отводит ее от Луция) Ну-ка, распусти-ка волосы

... вот так. Не вздумай реветь, а то отправлю на плантации. Улыбайся! Продам тебя богатому старичку - патрицию, будешь в шелковых туниках ходить, спасибо мне скажешь.

Луций (Гневно сжимает кулаки) Хозяин, нас нужно продавать вместе.

Торговец Закрой свой рот и не зли меня. Я в гневе страшен. Если не забуду до смерти, то продам на каменоломни. Там ты быстро сгниешь. Твой отец должен мне такую сумму, что я все равно остаюсь в убытке.

Луций (понимает, что лучше не спорить, сжимает молча зубы)

(подходят покупатели, обходят молча рабов, один останавливается около Цецилии, проверяет ее зубы, пробует на ощупь волосы, ущипывает за локоть)

Покупатель (обращается к торговцу) Гречанка?

Торговец Да, из Афин.

Покупатель Что просишь за нее?

Торговец Тысячу сестерциев.

Покупатель Дорого.

Торговец Конечно, откуда у тебя деньги на такую красавицу? Купи себе старуху, чтоб стряпала твой скудный ужин.

Покупатель Что она умеет делать?

Торговец (уклончиво) Она прекрасно воспитана!

Покупатель Оно и видно, что делать она ничего не умеет.

Торговец (кивает на пожилую женщину) Купи вон ту, она все умеет.

Покупатель Мне велено купить девушку из Греции.

Торговец Смотри сам. На рынке нет сегодня ни одной другой гречанки.

Покупатель Ну что ж, ты прав. Восемьсот сестерциев.

Торговец Не могу. Итак продаю в убыток.

Покупатель Ладно, покупаю. (достает деньги, отсчитывает)

Луций (кричит, подавшись вперед, обращаясь к покупателю) Скажи, кто ее хозяин? Как зовут твоего господина?

Покупатель Ты что, собрался ее похитить?

Торговец (хватает Луция, отшвыривает его назад сильным ударом) Ах ты, паршивый раб, ты хочешь отбить от меня покупателей?

Луций Хозяин! Я только хотел спросить, куда ее продали? Цецилия! Цецилия! (снова подается вперед к ней, но хозяин еще раз откидывает его на место)

Цецилия Луций! Братик мой, братик! (плачет)

Покупатель (Толкает ее вперед, она идет уткнувшись лицом в ладони) Иди, иди! (он оглядывается на торговца) Продай его на галеры или гладиаторам. А то не оберешься с ним хлопот. Слуга из него не получится! Помяни мое слово!

Торговец Ах ты, мятежный раб! Я же говорил тебе, не зли меня! Не зли! (ударяет его несколько раз)

Луций (сквозь слезы) Что ты позволяешь себе, ничтожный торгаш?

Торговец Ты с кем говоришь, пес? (начинает его избивать, музыка, гаснет свет, удары и стоны в темноте)

СЦЕНА 3 Встреча Луция с Андроником

(Площадь Рима, слева в стороне на авансцене в углу здание из серого кирпича, римский воин стоит на страже, Луций ступая медленно и тяжело, словно инвалид, идет сам не зная куда, ничего не видя от огорчения. Он случайно натывается на идущего навстречу

Андроника)

Луций Прости ... Я не нарочно... (всматривается в его лицо с удивлением и состраданием понимает, что тот слеп) Почему ты ходишь один?

Андроник Я привык ходить по городу.

Луций Давай провожу тебя. (взял его за руку и они пошли) Ты идешь в дом, что напротив?! (останавливается в нерешительности) А ты знаешь, что там стоит часовой?..

Андроник Знаю.

Луций Значит, там кто-то находится под стражей?

Андроник Да.

Луций Выходит, ты идешь навестить арестованного?

Андроник Да, моя госпожа посылает ему еду.

Луций Он раб или свободный?

Андроник Он раб Божий.

Луций Чей раб?!

Андроник Раб Божий, Павел – это он так называет себя. Он здесь в заточении, но его можно навещать. Если хочешь, пойдем вместе, он примет тебя. Он принимает всех, кто желает познать великую истину.

Луций Какую истину?

Андроник Об Иисусе Христе.

Луций Ничего не слышал о Нем. Я ведь сам из Афин, и никого еще в Риме не знаю. А Он Кто?

Андроник Он Сын Божий.

Луций Сын Божий?! (задумался) А Какого Бога? Их так много у нас в Греции. И здесь в Риме тоже. Я видел пантеон римских богов.

Андроник Римские и греческие боги – это всего лишь идолы, статуи, сделанные людьми, они не слышат и не видят. Есть только Один Истинный Бог, сотворивший небо и землю, и все, что существует.

Луций Разве есть такой Бог? Откуда ты можешь знать?! (вздыхнул с сожалением) Мы уже пришли. Так кто же он, этот узник? Он римлянин или грек?

Андроник Он еврей из Тарса, и ждет здесь кесарева суда. Мне пора. Спасибо.

Луций Пожалуй, я зайду с тобой, если можно. Мне нужно кое-что спросить у него. Ты говоришь, его зовут Павел?

Андроник Да, Апостол Павел. (заходят в дом)

(Музыка, смена декораций)

СЦЕНА 4 Таинственный свиток, Корнелий ищет истину

(в доме Корнелия. Цецилия стоит с цепью на руках и ошейником рабыни на шее)

Августа Ты просила себе рабыню – гречанку, так вот, тебе купили ее сегодня на невольничьем рынке за 1000 сестерциев. Ты довольна?

Валерия Мама, мне кажется, что она совершенно не похожа на рабыню.

Августа Ничего, Валерия, приставишь ее к опытной служанке, чтоб научила ее делать все, что тебе нужно. А если будет строптива, отправишь к экзекутеру. Пару раз высекут, и будет как шелковая. (уходит)

Валерия (к Цецилии) Пойди сюда. Я твоя новая госпожа. Ты будешь моей служанкой. Как твое имя?

Цецилия Цецилия.

Валерия Скажи мне, умеешь ли ты плести гирлянды из цветов?

Цецилия Да, госпожа, я плела прежде.

Валерия А готовить мази и пудры?

Цецилия Меня не учили этому.

Валерия А причесывать волосы, укладывать складками одежду?

Цецилия (Молчит)

Валерия Если я спрашиваю, ты должна отвечать.

Цецилия (плачет)

Валерия Еще что выдумала! Прекрати сейчас же! Не забывай, что ты всего лишь рабыня и должна угождать моим желаниям. За тебя уплатили 1000 сестерциев, это очень высокая цена. И ты, теперь моя. (берет ее за подбородок) Ну-ка улыбнись! Вот так. Что это у тебя такое?

Цецилия Ах, госпожа... (закрывает рукой висящий на шнурке медальон или маленький мешочек)

Валерия У тебя нет ничего своего, запомни. Дай, я посмотрю и отдам. А вдруг там яд, и ты хочешь меня отравить?

Цецилия Что ты, госпожа...! (отдает свиток)

Валерия Интересно, откуда у рабыни пергаментный свиток? Это стоит денег.

Цецилия Моя матушка дала это для меня.

Валерия И что же здесь написано?

Цецилия Для гречанки считается позором, если она умеет читать.

Валерия Так ты не читала этого?

Цецилия Нет.

Валерия Постой же, я прочту тебе. «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят. Блаженны миротворцы, ибо они будут наречены сынами Божиими. Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» .

Цецилия (повторяет шепотом за ней, стараясь запомнить) сынами Божиими ...

Валерия Очень странные слова. Я не слышала ничего подобного. (неохотно) Возьми обратно, раз я обещала отдать. А теперь ступай за мной, я дам тебе работу.

(музыка, гаснет свет и через несколько мгновений зажигается снова, входит Цецилия со стулом и рассуждает сама с собой)

Цецилия (вносит стул, ставит его) «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Наверное это о Том Боге, Которому поклоняется матушка. Я бы хотела увидеть Его... Но Кто Он? Она не отреклась от Него, даже ради нас. Кормилица говорила мне, что матушка очень плакала, когда отец сказал, что выгонит ее из дома, и много молилась... Неужели мы никогда с ней не встретимся?... Но что это значит: быть чистым сердцем?

Ливия (тихо) Быть чистым сердцем, это значит: не грешить.

Цецилия (испуганно поворачивается к ней)

Ливия Извини. Я нечаянно подслушала тебя. Ты размышляла вслух. Откуда ты знаешь заповеди блаженства?

Цецилия Какие заповеди? (искренне) Я не знаю никаких заповедей.

Ливия «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят».

Цецилия А-а! (берет ее за руки) Скажи мне, что ты слышала об этом?! И откуда?

Ливия Это заповеди Иисуса Христа. Я знаю их, потому что я христианка. А ты откуда их знаешь?

Цецилия Ты умеешь читать?

Ливия Только по-гречески.

Цецилия Посмотри (достает пергамент).

Ливия (радостно удивленно) Где ты это взяла?

Цецилия Неважно. Ты знаешь, я хотела бы узнать все о христианах, и может я сама, стала бы христианкой, но мне нужно понять что это. Мне обязательно нужно понять!

Ливия Тише, нас могут услышать. Быть христианами небезопасно. Если хочешь, пойдем со мною на собрание верующих. Только никому об этом не говори.

Цецилия (радостно) Я не скажу, можешь быть уверена. Если бы ты только знала, как это для меня важно!

Ливия Попробуй сегодня вечером отпроситься у своей госпожи на пару часов. Если Богу угодно, то она тебя отпустит. Я буду молиться об этом.

Цецилия А ты научишь меня тоже молиться вашему Богу?

Ливия Это совсем нетрудно. (таинственно, полушепотом) Истинный Бог невидим. Его невозможно изобразить, или сделать статую, потому что Он Велик! Он обитает в

неприступном свете! Он наполняет Собою все! И Он любит всех людей. Ему не нужны жертвы, Он Сам пожертвовал Собою, чтобы спасти нас.

Цецилия Расскажи мне еще!

Ливия Лучше увидимся вечером после работы, а то нам обеим попадет. (Цецилия уходит)

(входят Корнелий с Августой и Валерией, рабыня несет поднос со свитками)

Корнелий (на ходу) Сенека, это наставник императора и философ. Он теоретически прославляет бедность, а фактически живет жизнью аристократа, я не верю ему! (подходит к столику со свитками, берет один, разворачивает его) Сократ говорит: «Познай себя и ты познаешь весь мир», но в то же время он приходит к такому выводу: (читает) «Чем больше я узнаю, тем больше понимаю, что ничего не знаю». И здесь я с ним согласен (бросает свиток обратно на столик и начинает шагать туда обратно). А Пиррон вообще отрицал познаваемость сущности вещей. Философы не отвечают на мои вопросы. Они проводят всю жизнь в размышлениях и поисках и умирают ни с чем. У них нет ответов! (берет другой свиток, смотрит на него) Ни Платон (бросает свиток обратно на стол, берет другой), ни Аристотель (также бросает его на стол), (поворачивается к жене) ни наш Цицерон, ни эпикурейцы (отталкивает лежащий на столе очередной свиток рукой), ни стоики (аналогично) не могут ответить мне. Проблема в том, что мы не знаем, как устроен мир, философы пробуют проникнуть в эти тайны, но тщетно!! Увы! (садится на стул, рабыня ставит ему под ноги подставочку, надевает на голову приготовленный венок, другая рабыня подносит тазик с водой и полотенце, он оmyвает руки, вытирает их, подает умыться Августе и Валерии)

Августа (устало) Ты бы лучше развеялся, Корнелий, повидался с друзьями... (делает знак рабыне, та обносит всех фруктами на подносе)

Корнелий Я не желаю никого видеть. Я болен. (берет не спеша яблоко)

Августа Может быть, послать за врачом? (также берет что-нибудь с подноса у рабыни)

Корнелий Августа, мне не врач нужен, а истина! Я мучительно хочу найти истину! (делает знак рукой рабыне и та подает ему вино) Мне приснился на днях странный сон. Будто бы я в каком-то страшном темном подземелье, я болен и почти умираю, а вокруг злые мерзкие темные духи, они ходят за мной и подстерегают меня, ждут моей смерти. И вдруг я увидел свет и пополз к нему. И чем дальше я полз, тем легче было мне двигаться. И я увидел выход из подземелья. Я подполз к нему и вышел на открытое и светлое место. И я встал, и пошел, и сердце мое наполнилось радостью. Что это?

Августа (вздыхает) Да мало ли, что может присниться? Может, съел что-нибудь на ночь...

Корнелий А вдруг я скоро умру? Что же тогда? Где будет моя душа? Неужели вечный

мрак и небытие? И вообще, что это такое – «вечность»? Кто может ответить мне? О, если бы только я мог познать истину! Мне не жаль было бы даже умереть!

Августа Ты становишься меланхоликом, Корнелий. В молодости ты был не таким.

Корнелий Я был глупцом, Августа.

Августа Марк Порций Корнелий, если ты был глупцом, то кем были все остальные?! Ты был умен и насмешлив. Ты всегда знал, чего ты хочешь. Всегда добивался своего.

Корнелий И при этом оставался глупцом. Я думал, что ум и богатство могут сделать меня счастливым. Я устраивал свое имение, стремился приблизиться к персоне императора, заняться политикой, участвовал в ученых диспутах. Но все это не насыщает души человека и не делает его счастливым.

Августа Разве ты не был счастлив? Вспомни, как ты носился по этому обрыву, спорил с подрядчиком, какой мрамор положить на ступени? Тебе так нравился этот крутой спуск к реке, и этот сверкающий на солнце Тибр! Ты устраивал это имение, покупал рабов и редкие деревья, новую мебель и статуи...

Корнелий Да. И ты была весела и щебетала как птичка, и не ворчала на своего Порция Корнелия.

Августа Разве ты не был счастлив, Марк?

Корнелий Юность счастлива, Августа, потому что живет иллюзиями будущего. Юноше кажется, что в его жизни все будет по-другому, нежели у остальных. У всех что-то не получается, а у него все должно получиться. Юность наивна, ей неведомы разочарования, боль, пустота и безысходность. Но человек никогда не довольствуется тем, что у него есть. Как только он достигнет желаемого, его постигает разочарование. Издалека, это желаемое выглядело иначе. Оно было притягательным. А достигнутое выглядит обыденным и серым. Я давно уже не ходил по этим мраморным ступеням. Они давно уже безразличны мне. Мне милее даже тропа, проложенная к водопою сернами, нежели эти надменные мраморные плиты. Все это как раскрашенные детские игрушки. Человек вырастает из них, и они никогда уже не привлекут его внимания. И кроме того, Августа, у этой блистательной жизни есть изнанка. Она страшная. Даже юность не всегда бывает радужной. Даже детство. Сколько детей продано в рабство, сколько надругательств над юностью, сколько крови и зла в этом мире! Наш император убийца и сын убийцы. А мы смотрим на него и обожествляем его, это чудовище, поклоняемся ему, делаем из него идола. Он окружил себя людьми, готовыми аплодировать его пошлости...

Августа Будь благоразумен, Марк. Не стоит говорить об этом вслух. У деревьев могут быть уши.

Корнелий Но это действительно так. Культ императора почитается как одного из

богов. Каждая из завоеванных наций может невозбранно чтить своих богов, но при этом должна поклоняться личности императора. И это всего лишь политика. Каждый народ демонстрирует свою лояльность по отношению к Риму, поклоняясь императору, как божеству.

Августа Ах, Корнелий, как все это скучно!

Корнелий Ну хорошо, оставим Нерона. Ты думаешь, плебеи лучше своего императора? Я видел нищего, который избивает свою мать – старую калеку. Ужасно, не правда ли? А как ты считаешь, прекраснейшая из женщин, намного ли мы с тобой превзошли их?

Августа Корнелий, я отказываюсь тебя понимать!

Корнелий А кто посылает бедных рабов к экзекутору? Не ты ли, о дивное создание!

Августа Но должен же быть в доме порядок!

Корнелий ... Мы все погрязли во зле, и живем словно в лабиринте. ...И кто из философов может ответить мне: Откуда мы пришли? Зачем мы здесь? Куда мы идем? Вот вопросы, которые мучают меня. Но ответа нет.

Валерия Послушай, отец, я прочла недавно в одной рукописи слова, которые показались мне очень странными, я ничего подобного прежде не слышала.

Корнелий Какое-нибудь новое учение? Сейчас столько развелось ересей... (делает знак рабыне, укутывает его ноги покрывалом)

Валерия Я не знаю, отец, но мне эти слова показались какими-то ... утешительными...

Августа А вы слышали, что некоторые, даже и из благородных римлян, поддались новому учению, и они называют себя христианами?

Корнелий Вот уж только не это. Их еще называют сектой назореев. Про них рассказывают такие ужасы. Говорят, что они враги рода человеческого и совершают УЖАСНЕЙШИЕ злодеяния.

Августа Да, будто бы они отравляют фонтаны и колодцы и убивают схваченных на улице детей.

Корнелий Вот-вот! (поворачивается к Валерии) Так что там за рукопись? Нельзя ли прочесть? (вздыхает) Все лучше, чем сетовать на бедных философов.

Валерия (рабыне) Ступай, приведи Цецилию. Рукопись не моя, отец, пусть бы ее переписали для тебя.

Корнелий Ну, так вели переписать.

Валерия (вошедшей девушке) Дай мне прочесть твою рукопись. Не бойся, ее перепишут и вернут тебе. Отец заинтересовался ею. Кстати ты просилась отлучиться сегодня на два-три часа, так вот можешь идти, я тебя отпускаю.

Цецилия Благодарю тебя, госпожа (нерешительно отдает рукопись и выходит)

Корнелий Все же я пойду лягу, мне и впрямь нездоровиться...(рабыни помогают ему встать)

Цецилия Отец!... (берет его под руку, и все медленно уходят)

Корнелий Ничего, ничего. Ты не забудь про рукопись.

(гаснет свет, поднимается средняя декорация)

СЦЕНА 5 Встреча Луция с Арнобием и с Юнией

(на авансцене в правом углу)

Арнобий (с трудом идет, согнувшись под тяжестью корзин и горшков из-под меда, у него схватывает болью поясницу – радикулит, он ставит корзины на землю, хватается за спину, трет поясницу) Да что ты будешь делать!..

Луций (идет навстречу) Хочешь, я помогу тебе?

Арнобий Ну да, ты уж конечно поможешь! Я вас знаю...

Луций Право, я не шучу, и хотя ищу теперь заработка, все же помогу тебе даром. Давай корзинки.

Арнобий Ну, если ты, правда, хочешь помочь, то проводи меня до дома, а я дам тебе свежих смокв и олив столько, сколько ты пожелаешь съесть.

Луций Пусть будет так. (берет часть ноши)

Арнобий (уходят со сцены и появляются с другой стороны из калитки) Вот и пришли. Подожди здесь, сейчас тебе принесут еду. (уходит)

Юния (выходит из дома и увидев Луция удивилась) Луций! Луций, это ты, мой мальчик? Но что с тобою? И почему ты в Риме?

Луций Кормилица! Это не сон? Юния!

Юния Да, мой дорогой мальчик. Это я.

Луций Юния, я так голоден!

Юния Ты голоден, дитя мое! Так кушай, вот садись здесь, я еще принесу. (Луций ест)
Вот мой дом, здесь я живу. Мы поселились совсем недалеко от города – разводим пчел, а мед продаем в Риме на торгу, и этим живем. (поворачивается к мужу) Арнобий, ты знаешь кто это?

Арнобий Да уж догадался.

Юния Послушай, а где же Цецилия?

Луций Ее продали за долги.

Юния А-а! Продали! (вскочила со скамьи)

Луций Меня бы тоже продали. Но так вышло, что я поспорил с хозяином, я ведь не привык к грубому обращению и надерзил ему. А он – человек бешеного нрава и жестокий. Он стал избивать меня. Я тогда как во сне был, когда Цецилию увели. Мне уже все было все равно. Может он и убил бы меня. Я чувствовал, что мне совсем худо, и помню, что успел помолиться. Я сказал только: "Боже, Бог, которому молится моя матушка, если Ты есть, то спаси меня", - и потерял сознание. Видимо хозяин подумал, что я мертв, потому что меня не стерегли, и цепи на мне не было. Я ночью очнулся, очень хотелось пить. Слышу, вода плещется где-то и пополз к фонтану, откуда женщины берут воду. Обратно поползти не было сил. Я приткнулся у какой-то стены и уснул. Потом, отлежавшись, ушел. Конечно, первое время я еле передвигался, какие-то гладиаторы сжалились надо мной и кормили меня несколько дней, они думали, что я останусь у них, но я не захотел. Не по мне это занятие. Потом я попал к одному старцу, а сегодня решил поискать работу, и встретился с твоим мужем... Где теперь Цецилия, я не знаю. Когда умер отец, то в начале продали имение за долги, но денег не хватило, тогда заимодавец решил продать нас.

Юния (все это время она охала и вздыхала, хватаясь то за бока, то за голову и причитала, повторяя оконцовки его фраз) Дорогие, бедные мои дети! Что же я-то смотрела! Я приняла вас из рук госпожи и обещала ей смотреть за вами, как за собственными детьми!

Луций Ты заботилась о нас очень долго, но мы же выросли, ты уехала... да и не смогла бы ты уберечь нас от продажи.

Арнобий Выходит, ты теперь беглый раб. А знаешь, что тебя ждет, если тебя поймают?

Луций У меня нет клейма, но все равно, лучше мне не попадаться на глаза нашему заимодавцу. Он уехал назад в Афины, и надеюсь, что не скоро вернется.

Арнобий Ты вот что, оставайся-ка пока у нас, а там видно будет.

Луций Спасибо вам. Только сегодня вечером мне нужно быть в одном месте, я обещал.

Юния Куда ты пойдешь?! Я буду волноваться за тебя. Не успел найтись и уже уходишь неизвестно куда.

Луций Но Юния, это очень важно для меня. И ты не волнуйся, пожалуйста, я уже достаточно хорошо знаю Рим и пригород и найду ваш домик. Я прошу тебя.

Юния Ах, Луций!

Арнобий Ну, хватит, что ты запричитала? Он взрослый парень. Если обещал, должен идти. Ничего с ним не случится. Вечером придет.

Луций Спасибо тебе, Арнобий. (уходит)

СЦЕНА 6 Проповедь Петра, встреча Цецилии с матерью

(на авансцене в правом углу Цецилия и Ливия.)

Цецилия (смотрит в зал) Столько людей! И они идут туда же, что и мы. Посмотри, у многих из них лица закрыты. Они спешат, но идут молча. Как-то даже не по себе. Кто они?

Ливия Это верующие, христиане. Видишь, мы должны скрываться, а нас ведь много, поэтому приходится собираться в таком пустынном месте и тайком.

Цецилия Сколько же в Риме христиан?

Ливия Очень много. В римскую общину входят иудеи и язычники разных сословий. Есть даже члены императорского дома, а есть и беглые рабы. Ты знаешь, я уже несколько лет, как уверовала, так вот, наша община очень выросла. Люди с радостью принимают Евангелие, и церковь растет. Это просто как бурный поток, как наводнение весной!

Цецилия Отчего же это?

Ливия Каждый, кто уверовал, испытывает такую радость, что старается привести к

вере и других. Сегодня будет проповедовать Петр, Апостол Иисуса Христа. Представляешь, он своими глазами видел Господа, ходил с Ним три с половиной года, учился у Него. Раньше он был простым рыбаком, но Господь выбрал его вместе с другими, и Петр стал учеником Иисуса Христа. Он видел, казнь, распятие Христа, и видел Воскресшего Иисуса.

Цецилия Скажи, Ливия, а как ты попала в рабство?

Ливия Я родилась рабыней. Рабыней была моя мать, а отца я никогда не знала. Меня продали в дом Корнелия, когда я была ребенком. С тех пор я не видела матери и не знаю где она.

Цецилия И я не знаю, где моя матушка. А кто научил тебя читать?

Ливия Это уже у христиан, когда я уверовала, то стала учить буквы, чтобы читать Слово Божие, и постепенно научилась. Пойдем.

(играет музыка, вдали видны холмы, люди выходят одновременно с обеих сторон и садятся на пол, кто-то стоит в стороне, слышен гул толпы, выходит Апостол, возгласы, Петр встает и наступает тишина, слышен только треск костра и факелов)

Апостол (поднял руки в приветствии и начал говорить) Благодать вам и мир да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего ! Приветствую вас, избранные Божии! Приветствует вас церковь Иерусалимская!

Возгласы Благодарим!

Возгласы Мир тебе!

Возгласы Приветствуем!

Апостол Вы знаете происходившее по всей Иудее, начиная от Галилеи, после крещения, проповеданного Иоанном (Крестителем): как Бог Духом Святым и силою помазал Иисуса из Назарета, и Он ходил, благовествуя и исцеляя всех, обладаемых диаволом, потому что Бог был с Ним. И мы свидетели всего, что сделал Он в стране Иудейской и в Иерусалиме, и что наконец Его убили, повесив на древе. Его смерть казалась нам немислимой. Столько времени ходили мы с Ним, видели, какие Он творил чудеса, скольких людей Он исцелил, сколько слез осушил, и вдруг эта непонятная смерть. Мы горевали и скорбели. Это не укладывалось в нашей голове. Он мог обратить весь город в развалины одним словом Своим, и вдруг Он дает распять Себя! Как это может быть? Такая сила, такое величие, такая любовь, и вдруг все кончилось! Непонятно! Мы словно осиротели. Потерялись. Свет померк для нас. Но вот на третий день, на рассвете, мы все еще плакали и рыдали о нем, как прибегает вдруг Мария Магдалина и говорит, что Гроб пуст, а Он жив, и она видела Его. И показались некоторым ученикам слова эти вздором, и не поверили они . А мы с Иоанном вскочили и побежали ко Гробу. Когда я вошел в пещеру, то увидел на камне пелены, и отдельно от

них плат с головы Его, но Тела не было. Бог воскресил Его в третий день, и дал Ему являться не всему народу, но свидетелям, предъизбранным от Бога, нам, которые с Ним ели и пили, по воскресении Его из мертвых. И Он повелел нам проповедывать людям и свидетельствовать, что Он есть определенный от Бога Судия живых и мертвых. О Нем все пророки свидетельствуют, что всякий верующий в Него получит прощение грехов именем Его. Бог, как предвозвестил устами всех Своих пророков пострадать Христу, так и исполнил.

...После же сорока дней, в миг вознесения Спасителя от земли, мы видели, как Он поднялся на наших глазах, и облака заслонили Его и как бы взяли Его от наших глаз. И два Ангела предстали нам и сказали: «мужи Галилейские! что вы стоите и смотрите на небо? Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо.» И ныне братия мои, огромную радость имеем мы с вами, – смерть побеждена! Победою Господа моего Иисуса Христа, и вечная жизнь уготована избранным Божиим по благодати Сына Божьего! И мы Церковь Его будем ожидать Его пришествия. Сколько продлится это наше ожидание не дано нам знать. Нам должно быть готовыми. Приготовьте сердца ваши. Да пребудет в сердцах наших добро, смирение, справедливость. Свет истины да озаряет сердца ваши. Будьте терпеливы и в гонениях и в обидах. Та награда, которая ожидает нас на небесах, не может сравниться, с теми малыми невзгодами, что претерпеваем мы на земле. Мы увидим Его, Господа славы! Будем же ожидать в терпении! Мир Божий, мир Христов да почиет на вас. Аминь.

(все встают, Петр отходит в сторону и смешивается с толпой, звучит Пасхальный гимн «Тропарь» - "Воскресение Твое, Спаситель, Ангелы поют на небесах...")

Цецилия (радостно и просветленно) Ливия, а что значит уверовать?

Ливия Значит поверить, что Иисус воскрес, что Он Сын Божий. Не все могут это. Просто трудно это принять. Но это истина.

Цецилия Ливия, значит я уверовала! Я верю всему, что говорил этот старец. Он так говорил!.. он не мог лгать. Это все правда!

Ливия Истинно так. Он сам видел все это.

Цецилия (смущенно отворачивается вдруг в сторону)

Ливия ...тебя кто-то смутил, Цецилия. Что ты отворачиваешься?

Цецилия Да вон та женщина все время рассматривает меня. Мне просто неловко.

Ливия Ну что ты, это наша сестра, Клавдия, она вообще-то из Афин, но живет здесь уже некоторое время...

Клавдия (прижав руки к сердцу) ... Цецилия...это Цецилия! Деточка моя! Дочка!

Цецилия (резко поворачивается и растерянно смотрит на женщину) ...мама...мамочка моя! (бросается к ней, вначале они смотрят друг на друга, потом бросаются в объятия и застывают на какое-то время)

Клавдия Я знала, я знала, что Господь вернет тебя!.. Ах, милость Божия! Как она велика!.. Деточка моя, ты верующая?!

Цецилия Да! Я уверовала только сегодня, после проповеди! Я первый раз пришла, мама, я очень хотела найти тебя, но не знала, что ты в Риме. Я хотела понять то учение, которое приняла ты. Мне прочли твою рукопись, и я захотела узнать, что это такое – блаженство и чистое сердце. И вот потому я здесь. Мама! (снова обняла ее)

Клавдия Ах, какая радость, деточка, какая радость! А я узнала тебя, доченька, узнала! Мы не разлучимся больше. Пойдем со мной.

Цецилия (качает головой) Нет, мама, я не могу.

Клавдия Не можешь?! Почему, сердце мое?

Цецилия Мама, я рабыня и должна вернуться к своей госпоже.

Клавдия Рабыня!? Ты – рабыня? Как это могло случиться, дитя? Ты родилась в благородной семье и вдруг рабыня! Постой, а где Луций? Где мой сын?

Цецилия (плачет) Я не знаю, мама. Меня продали первой и увели. Я не знаю где он. Мне пора идти, мама.

Клавдия Не плачь, я пойду с тобой и посмотрю, где ты живешь. Не будем унывать, как другие люди. У нас ведь есть Господь. Он любит нас и поможет нам. Ты веришь, дитя мое?

Цецилия Да, мама, я верю.

(уходят, играет музыка)

СЦЕНА 7 После крещения

(дворик Арнобия и Юнии, Арнобий мастерит что-то, Юния хлопочет у стола, входит Луций)

Юния Луций, где же ты был так долго? Я волнуюсь, и ужин весь остыл. Давай садись покушай.

Луций Ну что ты. Я ведь уже не маленький. Ах, Юния, сегодня такой день! Как я рад!

Юния И я рада, родной мой! (гладит его по голове, потом положила руку ему на плечо) Что это ты мокрый, как будто? И голова и туника... Ты что, в воду упал, или купался?

Луций (качает головой, радостно) Нет, Юния. Я крестился сегодня!

Юния (Села от удивления и ужаса на скамью) Крестился!

Луций Да, кормилица, меня крестили, я теперь христианин!

Юния Да ты что? Кто тебя крестил?

Луций Апостол Петр. Сегодня многие крестились...

Юния (с гневом стучит кулаком себе по лбу) Да ты думаешь, что ты делаешь! Твоя мать разгневала богов, обратилась к еврейскому Богу, а теперь ты пошел по ее стопам! Да ты знаешь, кто они такие, эти христиане, ты знаешь, что они распутствуют, детей убивают, кровь пьют!.. Да я... (встает в возмущении)

Арнобий Ты так кричишь, как будто у тебя всю посуду переколотили. Ты вот что... мне с ним потолковать нужно. Иди вон, ты хотела горшки из-под меда перемыть.... А мы поговорим пока. (Юния уходит в полной растерянности, Арнобий садится к столу) ... стало быть, ты христианин? Вот оно что! То-то ты мне каким-то тихим показался, не похож на уличных юнцов. Я ведь давно к христианам присматриваюсь. Про них тут, правда, ерунду всякую сочиняют, будто они младенцев убивают. Я этой чепухе не верю, потому что вижу людей. У нас проповедник один старец часто на рынке беседует о новой вере. Женщины-то, наверное, не очень понимают, им главное, чтобы красиво было – цветы, статуи. А я вот тоже думал об этом, что Бог – Он невидим и велик. И не может быть, чтобы пчел создал один, а цветы, например другой. Все же едино, и рыбы и море и луна – все связано – приливы, ураганы, зимы, весны... Да все. Оно как-то все одно от другого зависит и все уравновешено, значит Один Кто-то все устроил. И тому, что Бог любит людей, я тоже верю, как же можно такую красоту (обводит вокруг себя руками) без любви сотворить? Я вот не понимаю только, зачем понадобилось Богу умирать за нас? Ты можешь мне это объяснить?

Луций Потому что все люди до одного грешники и преступники Божьего Закона. Мы нарушили Божий закон. Мы все достойны понести наказание, но Господь нас любит. Он послал Мессию – Иисуса Христа, Своего Сына, чтобы Он умер вместо нас, и взял наше наказание на Себя. А те, которые поверят в Него, могут измениться, стать Божьими

детьми и не грешить больше.

Арнобий Ну а почему человек сам не может не грешить? Чем это объяснить?

Луций Видишь ли, все люди на земле, от императора до нищего, все являются рабами сатаны. Они не принадлежат себе, и делают то, что повелевает им их владелец дьявол, они делают зло. Они родились в этом рабстве, и не ощущают его, принимают это как должное. Они не могут избавиться от этого рабства, как например человек, если он раб, то не может освободиться от своего господина. Кто-нибудь должен заплатить за него, тогда он станет свободным. Вот я, например, не свободный сейчас. Хотя я и сбежал, но в любой момент может объявиться мой хозяин, и ты сам знаешь, что со мной будет. Римские законы суровы. Раба можно купить за деньги, как вот Цецилию купили за 1000 сестерциев. А душу человека можно выкупить только кровью. Но кровью чистой, т.е. безгрешной кровью. Тогда человеческая душа освободится от власти дьявола. Вот поэтому Христос и заплатил за нас не деньги, а цену Своей Крови. Он пролил Свою Кровь, и Его Кровь чистая, святая, потому что Он Сам безгрешен. И эту Кровь Он пролил ради нас. Ничьей другой кровью душу выкупить невозможно. Если мы уверовали, то принадлежим теперь Христу, значит сатана уже не властен над нами, поэтому мы можем не грешить. А раньше не могли этого.

Арнобий Наверное это все так и есть, потому что, люди бывают хуже даже животных... а христиане и правда как будто совсем другие. Какая-то радость у них, словно свет какой-то... А когда ты теперь пойдешь на встречу со своими друзьями верующими?

Луций Я не знаю еще, Андроник мне сообщит.

Арнобий Мне-то можно тоже пойти? Я никому не скажу.

Луций Конечно, это даже очень хорошо. Господь хочет, чтобы все люди спаслись.

Арнобий Вот и договорились. Ты знаешь что, поживи у нас, поможешь мне немного с торговлей. Мне как раз помощник нужен.

Луций Спасибо тебе, Арнобий!

СЦЕНА 8 (Искушение Цецилии)

(в доме Корнелия)

Корнелий (Сидит, держит в руках свиток) Голодный человек не может насытиться

скорлупой. Ему нужна пища. Душа моя терзается пустотой. Я голоден. И я слаб. Деньги не могут вернуть здоровья. Философия не может продлить или остановить время. Я уже слишком близок к вечному мраку, чтобы начать новое исследование, и все-таки эти слова непохожи ни на что, из того, что я читал или изучал прежде. Валерия! Валерия, дитя мое!

Валерия Да, отец.

Корнелий Я снова перечитываю эти слова. Ты знаешь, в них сокрыта сила. Я не могу тебе этого объяснить, но это так. И ты права, в них есть какое-то утешение. Откуда они? Кто может мне их истолковать? Может я успею еще познать истину! Мне не жалко даже самой жизни. Валерия!

Валерия Все, что я знаю, отец, это то, что пергамент был передан моей рабыне Цецилии ее матерью.

Корнелий Позови ее.

Валерия (хлопает в ладоши)

Цецилия Госпожа звала меня?

Валерия Посиди с моим отцом, он болен. Может он спросит тебя о чем-то, ты рассказывай все что знаешь. Это, может быть, утешит его. (уходит)

Корнелий (показывает ей место на полу, где она может сесть, девушка садится на пол) Скажи мне, ты знаешь, что здесь написано?

Цецилия Заповеди блаженства.

Корнелий Ах, вот как! Это заповеди. Тогда скажи мне: что же такое Царство Небесное? Я первый раз слышу об этом.

Цецилия Это Царство Божие. Вечное Царство.

Корнелий Ты так уверенно об этом говоришь, как будто ты точно это знаешь. И мне нравится твоя уверенность. Скажи же мне, о Каком Боге ты говоришь?

Цецилия О невидимом вечном Боге, Который сотворил небо и землю и все что их наполняет.

Корнелий (с усмешкой) А куда же ты подевала всех остальных богов? Римских, греческих...?

Цецилия Это не боги, это злые духи, бесы или просто статуи, идолы.

Корнелий Положим, я с тобой соглашусь, я сам давно уже не верю в наших богов, как впрочем, и многие. Но скажи мне, может ли человек, почти старик, который всю жизнь пылливо, но тщетно искал хоть немного света, может ли он придти к Этому Вечному Богу, о Котором ты говоришь. Не поздно ли мне?

Цецилия Нет, мой господин, это никогда не поздно. Иисус сказал: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас».

Корнелий Как же мне придти к Нему?

Цецилия Просто в молитве. Господь слышит.

Корнелий Помолись же за меня.

Цецилия Да, господин.

(входит Августа и Валерия)

Валерия Какая-то благородная госпожа желает меня видеть. Проводи ее сюда, Ливия.

(входит Клавдия богато одетая и кланяется Валерии, та очень удивлена, Цецилия, побледнев, прижимает руки к груди)

Клавдия Гордая некогда афинянка склоняет пред тобой свою голову, благородная Валерия и просит тебя: верни мне мою дочь.

Валерия Твою дочь?!

Клавдия (поворачивается к Цецилии) Это дочь моя. Давно потерянная и вновь найденная. Проси у меня все, что хочешь, – я богата и знатного рода, – только отдай мне мое дитя!

(Валерия смотрит в растерянности на мать)

Августа (недовольно) Это твоя рабыня, Валерия, ты можешь делать с ней все, что хочешь.

Валерия Хорошо. В таком случае, Цецилия больше не раба! С этой минуты она свободна, ... но...

Клавдия Я заплачу полную стоимость, все что ты издержала на нее...

Валерия Деньги не главное, но отец мой нуждается в ней сейчас. Он совершенно болен и слаб.

Корнелий Нет, нет, я несказанно рад, это очень доброе знамение. На моих глазах

человек освобождается от рабства. Я сам освобождаюсь от рабства тьмы. Скажите мне, кто вы?

Клавдия Мы христиане.

Корнелий (на мгновение закрывает глаза рукой и горько усмехается, потом поднимает голову и искренне говорит) Никто больше не убедит меня, что христиане убивают детей! Я хочу познать в полноте ваше учение. Пришлите мне книги, или попросите придти кого-нибудь из ваших служителей. Мне нельзя медлить. Время мое уходит.

Клавдия Хорошо, мы сделаем, как ты просишь, и будем молиться за тебя. Господь никогда не опаздывает.

(проигрыш – музыка, смена декораций)

СЦЕНА 9 Встреча Юнии с Клавдией и Цецилией

(в дворике Арнобия, входят Арнобий и Луций с корзинками и кувшинами после торговли)

Луций Скажи, Юния, бывают на свете чудеса или нет?

Юния Бывают, наверное

Луций А хочешь, я тебе чудо покажу?

Юния Ну, хочу. А как ты мне его покажешь?

Луций Смотри! Подходит к двери, делает кому-то знак рукой.

(входят Клавдия и Цецилия, Юния всплескивает руками)

Юния Клавдия! Госпожа моя! Цецилия, девочка моя дорогая! (целует обеих) Вот уж правда, чудо! Да как же вы встретились? Мы уж и не знали где вас искать. Луций-то весь извелся, все Цецилию жалел... (другим тоном) Постой, ты ведь говорил, что ее продали...

Цецилия Это правда, Юния, всего неделю назад я была рабыней. А потом мы встретились с матушкой, и она меня выкупила (обнимает Клавдию). Мы теперь не разлучаемся.

Юния Да как же вы узнали-то друг друга? Ведь прошло лет 15, как ты ушла из дому и вы не виделись...

Клавдия Ах, Юния, я столько раз приходила тайно, чтобы посмотреть на свое сокровище. Много раз я оставалась в закрытых носилках, когда вы проходили мимо, или стояла в стороне, одетая в одежду простолюдинов. Я видела их, как они росли, почти все это время я молилась за них ... Поэтому когда я услышала ее имя, когда я увидела ее...

Юния Я сегодня вообще что-то ничего не понимаю. Ну, а дальше-то? Как вы с Луцием-то встретились?

Цецилия Просто мы пошли сегодня на рынок кое-что купить, ну и меду тоже. И попали прямо в лавку Арнобия. Луций чуть весь мед не разлил от радости. (смеется)

Луций Правда, я так обрадовался... (серьезным тоном) Я знаю теперь, что такое ответ на молитву.

Клавдия Да, это ответ. И дивный ответ!

Юния Все это очень удивительно.

Луций Юния, это еще не все! Оказывается Цецилия тоже христианка, хоть она и не крестилась пока.

Арнобий И я тоже.

Юния (всплескивает руками) Так что же это... Как же я одна-то осталась,... без вас. Я... тогда тоже... (нерешительно качает головой) только колодцы я отравлять не буду...

Цецилия (серьезно) Разве мы похожи на отравителей колодцев?

Юния Нет, конечно... значит это все ложь, то, что про вас говорят? А-а! Значит, и детей вы не убиваете... За что же тогда тебя-то так опозорили, (вытирает слезы) госпожа моя? Деток у тебя отобрали. И я ведь верила им, а тебя осуждала. Прости меня. А ты-то как плакала! Как плакала! А вот не отреклась же от своего Иисуса! Крепкая ты какая!

Клавдия А Он все вернул мне. В целости и сохранности.

Юния Правда, правда.

Клавдия Мой муж хотел увести детей от Христа, и привел их в рабство. Но они обратились ко Христу, и Он дал им свободу.

Юния Истинно так!

Клавдия К сожалению, нам пора идти, уже поздно.

Юния Да вы даже не покушали ничего!

Клавдия Спасибо, мы рады были увидеть тебя. Нам пора.

Юния Так что же Луций, ты уходишь от нас?

Луций Нет пока. Я провожу их и вернусь.

(прощаются, обнимаясь, и уходят, спустя некоторое время показываются на слева над низким каменным забором)

Клавдия Сыночек, мы решили вернуться в Афины. Как ты на это смотришь?

Луций Я буду скучать о вас, но в то же время я рад, что вам ничто не угрожает. Дома спокойнее.

Цецилия Разве ты не едешь с нами?

Луций Цецилия, ведь я беглый раб. Наш заимодавец в Афинах может увидеть меня...

Клавдия Совершенно не волнуйся об этом. Я уплачу нужную сумму, и он не будет тебя трогать. Я выкуплю тебя.

Луций Спасибо, мама! И все же я не могу оставить Арнобия сейчас. Ему нужна моя помощь, тем более что я так многим обязан ему. Ведь он мог бы и не принять меня, когда мне совсем некуда было идти. А он и сам небогат.

Клавдия (спохватившись) Да, я совсем забыла. (достаёт кошелек) Отдай это ему от меня, деньги старикам не помешают.

Луций Спасибо.

Клавдия Тебя удерживает здесь что-то еще?

Луций Да... Ты слышала о Павле?

Клавдия Павел из Тарса? Он тоже здесь?

Луций Да, он в заточении. Скоро будет публичный суд на Палатинском холме. Возможно, что не только консулы и сенаторы, но и сам император Нерон будет присутствовать на этом суде. Павла должны отпустить. Он готовит публичную исповедь христианина.

Клавдия Хорошо бы его освободили. Ты часто бываешь у него?

Луций Я служу ему.

Клавдия Это доброе дело, сынок.

Луций Ты разрешаешь мне? Спасибо!

Клавдия Помни, что в Афинах у тебя есть дом и семья.

Луций Я вернусь, мама.

Клавдия Да сохранит нас всех Господь!

СЦЕНА 10 Пожар в Риме

(Юния в волнении всматривается вдаль, в торону зрительного зала, затем выглядывает

в калитку, снова смотрит вдаль, входят Арнобий и Луций.)

Юния Наконец-то вы пришли, а я так волнуюсь!

Арнобий Что это ты волнуешься?

Юния Ну как же, вы что, не видите?! (показывает рукой вдаль)

Луций (присвистнул) Ничего себе! Похоже горит что-то!

Арнобий Действительно, кажется пожар. Горит часть цирка, вон та, которая примыкает к холмам Палатину и Целию. Огонь гонит ветром, он идет вдоль цирка. Его ничто не останавливает.

Юния Арнобий, ведь наша лавка горит.

Арнобий Горит.

Юния Что же мы теперь делать будем?

Арнобий Да я давно хотел ее перестроить, все руки не доходили. Вот теперь новую построю.

Юния Это ты меня успокаиваешь, там ведь и вещи кое какие остались.

Арнобий Да скарб всякий. Тоже все уже старое.

Юния Так ведь жалко, Арнобий!

Арнобий Жалко.

Луций Похоже, загорелись жилые кварталы. А вон еще дым! И там тоже!

Арнобий В разных местах одновременно... Все это очень странно. Как будто поджег.

Юния И день сегодня ветренный.

Луций Уже несколько домов в огне!

Юния Бедные люди...

Арнобий Кто же мог поджечь город? Зачем?

(становится темно, мелькающее вспышками красное освещение, по сцене беспорядочно бегают люди)

Голоса за кадром (Музыка, мелькание красных бликов и темноты) Город подожгли! Подожгли! Зачем?! Кто поджег город? Кто? Смотрите, кто-то бросает факелы в уцелевшие дома! Кто-то запрещает гасить пламя. Почему, почему нельзя гасить!? Это делается по приказу. Тайный приказ императора. По желанию Нерона. Императора. Он сошел с ума! Император Нерон велел сжечь Рим. Зачем? Он хотел полюбоваться зрелищем пожара. Это сумасшествие!

Голос за кадром (музыка)

Пылает Рим. В безумии своем
Кровавый император созерцает,
Как город многолюдный погибает,
Охваченный неистовым огнем.

Запись: крики людей, гул пламени, топот копыт, лай собак, визг, все обрывается...
тишина

СЦЕНА 11 □ Корнелий и Ливия

(В доме Корнелия, Корнелий один, расхаживает по сцене, читает свиток)

Корнелий (читает молча, затем выборочно медленно вслух) Вот! "Ибо слово о кресте для погибающих юродство есть, а для нас, спасаемых, - сила Божия. Ибо написано: погублю мудрость мудрецов, и разум разумных отвергну. ... Не обратил ли Бог мудрость мира сего в безумие? (останавливается задумавшись) Ибо когда мир своею мудростью не познал Бога в премудрости Божией, то благоугодно было Богу юродством проповеди спасти верующих. ...потому что немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков."

(входит Ливия, стоит в отдалении, ожидая)

Корнелий (увидев стоящую Ливию) Что тебе, Ливия?

Ливия Господин, раба твоя пришла просить тебя...

Корнелий Да, моя сестра, что ты хочешь?

Ливия Да простит меня мой господин. Я пришла просить за Валерию.

Корнелий (удивленно) За Валерию?

Ливия Нас всех ждут тяжкие испытания. Император объявил Христиан виновными в пожаре и придумал публичные казни. Схвачены те, кто открыто признали себя Христианами.

Корнелий (задумчиво) Да. Он не смог остановить молву, что пожар был устроен по его приказанию.

Ливия За нашим домом следят. Валерия близка к вере, но вера ее слаба. Не нужно ей здесь быть... Она не должна увидеть того, что будет.

Корнелий Ты права. Я подумаю об этом. У нас ведь есть дом в Афинах. (снова погружается в чтение)

Ливия Нельзя ждать. Вот и Павел снова в темнице. Недолго он побыл на свободе.

Корнелий Что же я могу сделать? Я сам никуда не поеду, а она не за что не согласится уехать без отца. Да и как я отпущу ее одну?... (задумывается). Впрочем, позови ко мне Валерию и управляющего. И скажи Августе, что я просил ее придти сюда.

Ливия Да, господин. (не уходит)

Корнелий Что тебе еще?

Ливия Господин, тебе тоже лучше уехать.

Корнелий Ступай.

Ливия (молча поворачивается и идет)

Корнелий (вдогонку ей) А не хочешь ли ты сама уехать, Ливия?

Ливия (замирает на месте) Я останусь со своим господином, чтобы служить ему. (уходит)

(музыка)

СЦЕНА 12 В темнице у Павла

Помещение в темнице. Павел сидит на каменной скамье, руки его закованы в цепи. Луций сидит на коленях перед каменным табуретом и при свете лампы пишет под диктовку.

Павел (диктует) "... ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия. Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его..."

Луций (пишет) " узника Его;"

(Входит Андроник с корзинкой)

Андроник Мир вам!

(Луций перестает писать, бежит навстречу мальчику, берет корзинку из его рук, помогает ему сесть на скамью)

Павел С миром! Приветствую тебя, Андроник!

Луций Приветствую, тебя. Это я, Луций. Садись вот здесь.

Андроник Учитель, я принес тебе еду. Госпожа моя сама хотела войти, но стражи не пропустили ее в темницу.

Луций Я принесу свежей воды. (уходит с кувшином)

Андроник Учитель, по всему городу хватают христиан. Каждый день казни...

Павел Да, император объявил, что Рим подожгли христиане.

Андроник Пожар был очень сильный. Он начался в ветреный день и охватил почти весь город.

Павел Я слышал, что из 14 районов уцелели только четыре. Больше всего пострадали кварталы бедняков.

Андроник Очень много жертв! Город горел 6 дней. (понижив голос) В народе говорят, что город подожгли по желанию Нерона. Что он был недоволен старым Римом и хотел уничтожить его, чтобы построить на его месте новый. Другие говорят, что город

подожгли, чтобы дать императору насладиться зрелищем грандиозного пожара и вдохновить его на создание великого произведения искусства.

Павел (кивает головой) ... А теперь нужно найти виновных, чтобы отвести от себя недовольство народа...

Андроник Моя госпожа говорит, что начались судебные разбирательства. Ты ведь знаешь, учитель, что по законам Римской империи человека не могут казнить без судебного приговора. Так вот, никто на этих судах не доказывает, что человек поджигал город в тот день, достаточно доказать, что человек христианин, и его приговаривают к смерти. Это все потому, что император объявил христиан в поджеге, а его слова принимаются без доказательства. А христиане не спорят, когда их спрашивают о вере. Они исповедуют Христа, и не отрекаются. Уже очень, очень многих схватили, и никто из них не вернулся домой.

Павел (в сокрушении стонет, и хватается за голову) Милостивый Господь!

Андроник В городе опасно оставаться. Мою госпожу пока ни в чем не подозревают. Она всегда помогала узникам, и никто не думает, что ее посещение темницы связано с христианством.

Павел (спохватившись, решительно) Я сегодня же отправлю Луция из города.

Андроник А если он не пойдет? Он не захочет тебя оставить.

Павел Господь усмотрит. Что с Петром?

Андроник Я не знаю.

Луций (входит с кувшином) Вот вода. (ставит кувшин на пол, убирает письменные принадлежности с табурета на каменную полку, наливает воду в чашу, раскладывает еду)

Павел (с волнением и тревогой) Луций, у меня есть несколько писем, которые нужно срочно отправить... Мне некого послать кроме тебя.

Луций (решительно) О, нет! Я не могу оставить тебя одного...

Андроник Как это одного? А мы? Моя госпожа позаботится о пище, воду я тоже могу принести...

Павел Луций, пойми, это очень важно.

Луций Хорошо, учитель. Куда идти?

Павел В начале в Афины. Вот письма. (подает ему запечатанные свитки)

Луций Когда я должен идти?

Павел Сегодня... Сейчас... Береги себя. Я буду молиться. Передавай от меня приветствие по всем церквям. Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с тобою. Помолимся.

(встают на молитву, затем Луций с Андроником уходят, Павел садится и пишет)

(спустя некоторое время входит Корнелий.)

Корнелий Приветствую тебя, учитель. (Кладет сверток на табурет)

Павел (поднимает голову, прекращает писать) Мир тебе, брат мой. (печально) Ты очень рискуешь, Корнелий. Не стоило тебе приходить.

Корнелий Мне о многом нужно спросить тебя.

Павел Это может стоить тебе жизни.

Корнелий Но ведь есть то, что дороже жизни?

Павел О, да! Ибо видимое временно, а невидимое вечно .

Корнелий (садится) Вот ты бранишь меня, что я пришел, а разве не написано: "... в темнице был, и вы пришли ко Мне." ?

Павел Истинно так.

Корнелий Я много читал и думал в эти дни. Я многое понял, но понял также, что самой жизни не хватит человеку, чтобы уразуметь все премудрости Божии, открытые людям.

Павел (смеется) Значит ты действительно понял кое-что. Самое удивительное, Марк, это то, что при всем этом, даже "неопытный пойдет и не заблудится", – так написано в Слове Божиим. Если бы спасение человека зависело от его знания, или чувств, или дел, то никто бы не спасся. Милость Божия в том, что человек спасается верою. Не на ум свой надейся, но веруй в Господа и полагайся только на Него. Самое главное что нужно понять, это то, что все люди согрешили, и что людям положено однажды умереть, а потом Суд Божий. Никто не устоит на Божиим Суде, кроме тех, кто уверовал во Христа. Его Кровию мы спасаемся, мы очищаемся от всякого греха, и на Суд не приходим, но переходим от смерти в жизнь. И это самое главное, и доступно для понимания даже детям.

Корнелий Действительно. Это радует меня. Потому что трудно вместить в себя все учение сразу. Но, Павел, как сладки сердцу слова Писания! Я читал Псалмы. Я плакал. Я никогда в жизни не испытывал ничего подобного! И еще: ведь там есть пророчества о Христе. Верно?

Павел Ну конечно. Он умер и воскрес по Писанию, по пророчествам, как было написано о Нем!

Корнелий Послушай, мне так много нужно спросить тебя. Я словно боюсь, что не успею. Скажи. Вот ты Иудей. Ты из еврейского народа. Петр тоже Иудей, и другие Апостолы. Среди христиан очень много евреев здесь в Риме. А началось все в Иерусалиме, т.е. все началось в вашем народе. В то же время я понимаю, что Христос пришел для всех народов, чтобы спасти всех. Это я уже понял. Скажи же мне, почему Иудеи гонят христиан?

Павел (сник) Это великая для меня печаль и непрестанное мучение моему сердцу. Я же говорил тебе, что Христа можно принять только верою. Но не все это могут. Иудеи многие не смогли принять. Они ждали другого Мессию. Политического вождя. Они представляли Его себе могущественным земным царем, который освободил бы их от власти Римской империи, дал бы владычество. А Он пришел кроткий, Слуга, а не властитель. С великой силой и с великим смирением. Он побеждает любовью, а не мечом. Он Царь Небесный, Вечный, а не земной. Он создал Церковь Свою, и врата ада не одолеют ее. Он утвердил Царство Небесное. Оно уже началось, невидимо для глаза, и будет расти и распространяться, но не по земным законам, а по законам небесным. Только посвященные увидят это и поймут...

Корнелий Учитель, с тех пор как я принял крещение, меня мучит одна мысль. Я слишком долго наслаждался жизнью, и слишком мало осталось времени, чтобы сделать что-нибудь для Господа. (просительно) Я должен служить Ему.

Павел Он Сам даст тебе служение. Не может человек принимать на себя что-то, если не дано будет ему с неба.

Корнелий Что же я должен делать?

(входят стражники, кладут руки на плечи Корнелия)

Воин 1 Христианин?

Корнелий Да, Христианин.

Воин 1 (надевают наручники на Корнелия) Приказ императора. (толкает Корнелия к двери)

Павел (сокрушенно про себя, закрыв рукой лицо) О, мой Господь!

Корнелий (оборачивается к Павлу) Я ничего не успел, учитель.

Павел Корнелий, твое служение только начинается. Ты прославишь Христа. Мужайся. Не страшись. Эти временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славой, которая откроется в нас. Я буду молиться о тебе.

(стражники уводят Корнелия, Павел сидит некоторое время, опустив голову на руки, потом опускается на колени, и начинает молиться про себя, молча шевеля губами)

СЦЕНА 13 Казнь, обращение Августы

(Городская площадь, вдали обугленные дома, под светлыми крестами из свежеспиленного дерева стоят Корнелий чуть подальше Ливия, у их ног разложены дрова, за ними дальше, также видны кресты, которые уходят вереницей вдаль, вдоль сожженной улицы, образуя перспективу)

Августа Корнелий, ты сошел с ума! Зачем тебе это нужно? Они же сожгут тебя! Отрекись! Отрекись, Корнелий! Уже сотни, сотни сожгли на кострах! Опомнись!

Корнелий Я в полном разуме, Августа. Я не виновен. Я не поджигал города. Мне ставят в вину то, чего я не совершал. У меня хотят отнять то, что дороже этой жизни. От меня требуют невозможного Не убивайся обо мне. Не плачь. Я не могу отречься от Христа.

Августа Но почему? Почему?!

Корнелий Я познал Истину. Я долго искал ее. Я блуждал во тьме и увидел свет. Этот свет дал мне Христос. Этот свет зажегся в моем сердце. Я был рабом, Августа, рабом греха. Он выкупил меня, искупил. Я стал свободным. Я был смертельно болен, Он исцелил меня.

Августа Для чего исцелил? Чтобы тебя сожгли?

Корнелий Он даровал мне вечную жизнь. Предо мною открылась дверь. Я сожалею, что ты не можешь этого понять. Я не погибаю. Я ухожу, Августа.

Августа (стон) М-м! (к Ливии) Это все ты виновата! Нужно было сослать тебя на поля, копать землю, а мы пригостили тебя в доме. Это ты заразила всех своим Христианством! А теперь ты сгоришь! Сгоришь!! Неужели ты не боишься? (в ужасе) Неужели... неужели

ты не боишься?!

Ливия Бог силен спасти меня из огня. Он возьмет меня прежде, чем это станет невыносимым. Это будет недолго. Господь не допустит испытания сверх сил, потому что Он верен. Но если Он и не сделает этого, я все равно не отрекусь.

Августа (искушая, с издевкой и горечью) Почему? Почему бы тебе ни отречься? Тебя отпустили бы. Ты спасла бы свою жизнь!

Ливия Господь Иисус сказал: "... кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее". Прощай, госпожа моя. Прости меня.

Корнелий Ты напрасно гневаешься на нее, Августа. Это уже не твоя рабыня. Она свободна. Она сама выбрала этот путь, никто не принуждал ее. Она ученица Господа Иисуса и любит Его всем сердцем, как впрочем и я, и уходит к своему Господу... Очень скоро мы увидим Его... Прощай... Спаси тебя Христос!

(воины поджигают факелами дрова и вспыхивает пламя – медленно поднимается огненная завеса из марли с пола вверх, Августа стоит, закрыв руками лицо. Звук пламени, три удара колокола, музыка Вангелиуса и стихи)

Голос за кадром Над пепелищем страшным вознесясь,
Кресты восстали скорбными рядами,
И пламя поднялось над головами,
Единым стоном к небу устремясь.

(в полумраке ходят тени, горят лишь костры, кто-то подходит и бросает в казенных горсть земли, камни, кто-то плюет в них)

Выкрики толпы – Гнусные злодеи!
– Сектанты!
– Поджигатели!
– Наконец-то мы избавились от них!

Августа (почти шепотом в микрофон, можно пустить в аудио записи) Кто вам сказал, что они злодеи?

Выкрики толпы – Ну как же, они ведь убивали младенцев!
– Пили их кровь!
– Они подожгли город!

Августа (также тихо) Это все клевета.

Выкрики толпы – Их оклеветали.
– Город сожгли по приказу Нерона!

- Значит они невиновны?!
- Невиновны?!
- Тогда за что же их убивают?!
- Какая жестокая казнь!
- Почему же они не проклинаят императора?
- Они никого не проклинаят.
- Посмотрите на их лица.
- Они умирают как герои.
- Это правда.
- Говорят, что они не боятся смерти.
- Не боятся смерти? Почему?

Августа (также тихо и медленно) Потому что Христос победил смерть, Он воскрес!

Выкрик толпы – А Кто это Христос?

- Это Мессия.
- Иисус, Сын Марии.
- Он обещал их всех воскресить!
- А может это правда?
- Может быть и правда Христос воскрес?
- Может быть воскрес.

Выкрики толпы

Августа Он воистину воскрес!

До этого момента люди из толпы противостояли Августе, теперь они стали переходить на ее сторону

Выкрики толпы

- Он воистину воскрес!
- Воистину!
- Он воскрес!

Один из воинов снимает с себя шлем, бросает меч и факел и тоже молча встает с уверовавшими

СЦЕНА 14 Афины, в доме у Клавдии, финал

(небольшое помещение, горит лампада, Собрание Христиан, среди них Клавдия, Цецилия, Валерия и рабыня. Могут присутствовать, одевшись соответственно, все рабочие сцены, кроме мастера по свету, закрывающего занавес и звукооператора. Входит Луций, Арнобий и Юния, они печальны и молчаливы, с ними приветствуются, что-то спрашивают, но они не отвечают на вопросы, отрицательно качают головой и садятся вместе со всеми)

Луций Дорогие братья и сестры, дорогая Афинская церковь. Мы получили скорбную весть. Мученическую смерть приняли многие Христиане в Риме. Казнен Апостол Петр.

Все (общий вздох) А-а!

Луций Казнен Апостол Павел.

Все Господи! Милостивый Христос! Боже вечный! Иисус Господь!

Луций Венец мучеников, приняли брат Корнелий, сестра Ливия и многие другие.
(опустил голову)

Валерия Отец! (со стоном роняет голову на колени, Цецилия и Клавдия обнимают и гладят ее)

Луций Это тяжелое испытание для всех нас. Прочитаем для утешения слова Апостола Павла: "Ибо мы не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы - рабы ваши для Иисуса, потому что Бог, повелевший из тьмы воссиять свету, озарил наши сердца, дабы просветить нас познанием славы Божией в лице Иисуса Христа.

Но сокровище сие мы носим в глиняных сосудах, чтобы преизбыточная сила была приписываема Богу, а не нам.

Мы отовсюду притесняемы, но не стеснены; мы в отчаянных обстоятельствах, но не отчаиваемся; мы гонимы, но не оставлены; низлагаемы, но не погибаем. ... Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтобы и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, ... и мы веруем, потому и говорим, зная, что Воскресивший Господа Иисуса воскресит через Иисуса и нас и поставит перед Собою с вами... ибо видимое временно, а невидимое вечно..." .

Дорогие, их души живы. Они с Господом. За свой подвиг они получают великую награду. Через их смерть к Церкви Христовой присоединились новые души. Многие в Риме уверовали в Господа. Августа, вдова Порция Корнелия, приняла Христа.

Валерия (поднимает голову) Мама!

Луций Нас осталось немного сейчас. Но Церковь Иисуса Христа жива. Она не

исчезнет. Еще многие, многие придут ко Христу и станут детьми Божьими. Ибо Христос сказал: "Создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее" . Господь Воскрес! Это истина. Господь придет и возьмет Своих от земли, и мертвые воскреснут. Мы не знаем, когда это будет. Может быть завтра, а может быть через 1000 лет. Но мы должны сохранить этот светильник веры, доколе Господь наш придет!

(Музыка - звучит песня «Свет зажги» в исполнении Залины. Все молча слушают, опустив головы. После первого куплета Луций встает, зажигает от лампы свечу, все медленно встают. От него зажигают свечи все присутствующие, выходят медленной вереницей на середину сцены, к ним присоединяются все участники спектакля и рабочие сцены (рабы) и также зажигая свечи друг от друга, вытягиваются вдоль всей сцены и стоят, пока звучит песня, перед последним припевом они тихо и молча отступают вглубь сцены – ЗАНАВЕС)

КОНЕЦ